

ГУЛЯЩАЯ ЛЕЛЕЧКА

ВАЛЕНТИНА ИЛЬЯНКОВА
АЛЕКСАНДР КОРЕНЮГИН

СЕРИЯ «СОЗВЕЗДИЕ ДЕВЫ»

16+

Валентина Ильянкова

Гулящая Лелечка. Серия
«Созвездие Девы»

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Ильянкова В. М.

Гулящая Лелечка. Серия «Созвездие Девы» / В. М. Ильянкова —
«ЛитРес: Самиздат», 2010

В оформлении обложки использована фотография — автор Валентина Ильянкова. Работа дизайнера со стандартной лицензией. Главные героини сюжета — бродячая мошенница и дорогая иномарка. Одну зовут Карла, вторую — Гулящая Лелечка. У каждой своя история, но точка их соприкосновения стала началом серии преступлений в сфере высоких технологий и человеческих взаимоотношений. Где правда и игра, а где ложь, мошенничество и жестокое преступление? Ситуация чрезвычайная, но не безнадежная – сотрудники МЧС ликвидируют последствия деятельности преступников и спасут жизни людей.

Автор фото Валентина Ильянкова

*« ... И остави нам долги наша,
якоже и мы оставляем должником нашим; ...»*

Молитва Господня

Глава 1

На место пожара второе отделение городского отдела МЧС прибыло через семь минут после получения сообщения на пульт диспетчера. Горело неэксплуатируемое двухэтажное здание бывшего детского сада «Фиалка».

Жители города Заревска были осведомлены о том, что официально здание давно не эксплуатируется и подлежит сносу. Следовательно, там не должно быть людей. Но не было секретом и то, что люди там были, а вернее, жили. Правда, жили нелегально, без прописки и регистрации, но для спасателей это ничего не меняло. В горящем доме могли быть люди, и их нужно было спасать.

Время было упущено. Вызвали МЧС жители близлежащих домов, когда в здании уже пылали деревянные перекрытия и языки пламени из внутренних помещений прорывались через оконные проемы на улицу. В основном интенсивно горела центральная часть здания, а два крыла, расположенные буквой «П», пока только-только начинали тлеть. Но их контуры уже почти спрятались в густой пелене едкого дыма.

Пока бойцы выгружались из машин, майор МЧС Алексей Мазуров осмотрел горящее здание.

Центральная часть здания превратилась в гигантский костер, и войти туда было невозможно.

Здание было построено давно, в конце тридцатых годов прошлого столетия. Строилось старыми дедовскими методами – шиферная кровля на деревянной обрешетке, деревянные перекрытия и перегородки под толстым слоем глиняной штукатурки. Теперь эти конструкции, высушенные и выветренные за долгие годы эксплуатации до трухи, пылали, как будто их обильно полили керосином. Шифер и штукатурка от высокой температуры с треском взрывались и далеко разлетались в разные стороны тяжелыми, острыми кусками.

Помещения боковых крыльев были наполнены густым, ядовитым дымом. Если там и оставались люди, то только беспомощные, угоревшие от дыма, те, которые самостоятельно выбраться из здания уже не смогут. Дорогу к ним огонь пока не отрезал.

«В центральной части здания мы немедленно приступаем к работам по локализации пожара. В боковых частях – мы успеем провести поисково-спасательные работы, конечно, если поторопимся», – решил Алексей.

Еще на подъезде к месту пожара, из машины, Алексей заметил неуклюжего человека, который пытался влезть через окно в правое крыло здания. Видимо, он точно знал, что там есть люди и настойчиво карабкался на высокий цоколь, чтобы с него открыть или разбить окно и попасть в здание. Но его попытки оставались безрезультатными – то ли вес собственного тела в очередной раз опрокидывал его с цоколя на землю, то ли просто не хватало обычной мускульной силы.

– Юра, прими командование, – приказал Алексей своему заместителю, капитану Юрию Серову – Займитесь собственно пожаром в центральной части здания. Вот еще два расчета прибыли, все вы профессионалы: справитесь и без меня. Мы с Мариком на поисково-спасательные работы в правое крыло. В левое крыло отправляем четверых добровольцев вместе с командиром первого отделения. Мне, кажется, там остались люди.

– Есть, – Юра знал, что спорить с командиром дело бесполезное. Все равно он первым полезет в самое пекло, – только ты не забудь защитный костюм надеть. Давай, я помогу тебе

застегнуться. А-то ты так нараспашку и полетишь. Марик, и ты к нам подруливай. Тебя тоже нужно снарядить. Ты у нас осторожностью никогда не отличался.

Мужчина тем временем оставил свои попытки самостоятельно проникнуть в здание через окно и трусцой направился к спасателям. Судя по всему, увидел их серебристые костюмы и понял, что спасатели готовятся войти в горящее здание.

– Господа спасатели, можно к вам обратиться? – мужчина нерешительно тронул Алексея за рукав куртки, а второй рукой размазал по своему лицу грязь и сажу, а, может, вытер слезы, – там, в правом крыле, есть комната, а в ней человек. Очень хороший человек. Возьмите меня с собой, и я покажу вам, где эта комната. Возьмите, самим вам найти будет сложно. Пока вы будете плутать по зданию, пройдет какое-то время, и человек сторит. А мне вы просто помогите перелезть через окно. Дряхлый я стал. Ничего не получается. А уж дальше я сам.

– Не возьмем, – твердо ответил Алексей, – но человеку постараемся помочь. Вы нам быстро рассказывайте, как найти комнату, это и будет Вашим участием в спасательной операции. Без Вас мы быстрее справимся. Кстати, кто-то еще остался в здании?

– Мы жили в правом крыле. Из нашего сообщества все вышли на улицу, – вежливо ответил странный житель горящего здания, – кроме того человека, о котором я вам говорил. Но он и не мог выйти самостоятельно – его комната всегда закрыта на наружный замок. А в той части, которая горит, спасти уже некого, жильцы, наверное, давно сгорели. Есть ли люди в левом крыле, я не знаю. Хорошо бы вам самим все там проверить. Поздно вызвали спасателей. У нас-то телефонов нет, да и паника лишила всех ума: все кинулись сами спасаться и выносить свои пожитки. Да, так уж получилось в жизни, что все свое имущество мы всегда носим при себе. Иначе не получается. Да, что это я про свое имущество? Мы не сразу сообразили, что можно попросить жителей высотки вызвать спасателей. Мы боялись, что в такой элитный дом нас и в подъезд-то не пропустят. И напрасно боялись. Оказалось, что там живут хорошие, душевные люди – сразу МЧС вызвали, одежду нам собрали, да и еды кой какой! Так вы уже готовы? Пойдемте, я вам возле окна расскажу и покажу, где эта комната находится. Комната расположена в самом углу здания. Может, Бог, помиловал того жильца, и огонь туда еще не добрался? Спасите его, больно хорош человек! Про таких говорят – божий человек. Инвалид он, с детства. Но редкостный умница! Когда пожар начался, я-то подлый побежал свое тело и ложки-кружки спасать, а про этого горемыку совсем забыл. Твари последние так поступают. И я вот до этого состояния дожил.

Под причитания вежливого бомжа Алексей и Марик, несмотря на свои неуклюжие костюмы, легко преодолели высокий цоколь здания и исчезли в дыму.

Двигаясь в указанном бомжем направлении, Алексей и Марик попутно заглядывали во все комнаты, расположенные вдоль длинного коридора. Людей нигде не было.

Комната с закрытой металлической дверью оказалась в самом конце коридора второго этажа, в стыке правого крыла с центральной частью здания. Одна стена комнаты уже начинала проседать и рушиться, это могло означать только одно – под комнатой интенсивно горел первый этаж.

Металлическая дверь пылала жаром, но зато заметно деформировалась, выгнулась дугой и легко открылась. Внутри комнаты, возле наружной стены, без движения лежал маленький человечек, сжавшийся в тугую, жалкий дымящийся комок. Перекрытие на самом деле горело, с минуты на минуту могло обрушиться и увлечь за собой беспомощное тело.

Нельзя было терять ни одной минуты. Алексей поднял мужчину на руки и шагнул в коридор. Но тут оказалось, что нога мужчины длинной цепью прикована к стене здания. Алексей снова положил мужчину на пол, но уже в коридоре, и стал вырывать цепь из стены.

Действовать приходилось очень осторожно. Часть пола вместе с балками упала вниз. Если сильно дернуть цепь, то вместе с ней можно было обрушить висящую над проемом стену. И тогда прикованный человек вместе со стеной рухнет в костер на первом этаже. Нога муж-

чины под металлическим браслетом алела яркой полосой ожога, и Марик был вынужден придерживать раскаленную цепь возле ноги спасаемого человека, чтобы не причинять ему дополнительную боль.

Наконец цепь вместе с металлическим крюком и куском кирпичной кладки выскочила из стены. В это время стена все-таки рухнула, и в комнату ворвался шквал дыма и огня.

Но Алексей со спасенным человеком на руках уже бежал по коридору, а Марик – следом за ним, с цепью и куском стены в руках. Его руки обжигало раскаленное железо и пышущий жаром кирпич, но Марик старался бежать в «ногу» с командиром, чтобы лишний раз не дернуть обожженную лодыжку пострадавшего.

Возле окна Алексея и Марика встретил все тот же интеллигентный бомж.

– Слава Богу, слава Богу, – крестился бомж, увидев на руках Алексея своего друга, – жив горемычный. Так вот ты какой? Мы-то с тобой все через стену общались, но именно таким я тебя и представлял. Ты терпи, дружок, терпи! Сейчас в больницу, а там тебя быстро врачи на ноги поставят. Ты главное верь им, они тебя спасут, обязательно. Мы с тобой еще сможем поговорить, как нормальные люди, никого не опасаясь и не скрываясь. Я тебе это обещаю. И жизнь твоя образуется, и здоровье вернется. Все когда-нибудь заканчивается, так и твоя черная полоса сходит на нет. Главное, ты вырвался из плена и снова свободный человек. Ты постарайся выжить, а остальное решится все само собой.

Подбежавшие к Алексею санитары из дежурившей возле горящего здания кареты скорой помощи уложили потерпевшего на носилки и понесли к машине.

– Куда везти? – спросил врач у Алексея, – он бездомный? Совсем молодой парень, может мать есть?

– Сейчас уточню, – ответил Алексей, – подождите минуту. Тем более что с его ноги нужно снять цепь. Думаю, что у нас это лучше получится.

Цепью занялся Марик, а Алексей решил разыскать друга спасенного человека, который наверняка знал его имя и фамилию.

Люди, ранее жившие в сгоревшем здании, сейчас сустились в дворовом деревянном складке. Дело у них было серьезное и не терпящее отлагательства – потрепанные беспутной, ничемной жизнью бродяги разбирали и примеряли теплые вещи, которые им собирали жители микрорайона. Интеллигентного, вежливого бомжа среди них не оказалось.

– Послушайте, – перекрывая шум и гам перевозбужденной толпы, громко обратился к ним Алексей, – кто мне подскажет, где я могу найти вашего друга, который самостоятельно пытался спасти человека из горящего здания? Интеллигентный мужчина пенсионного возраста, в камуфляжном ватнике. Маленького роста и плотного телосложения!

Люди молча пожимали плечами и отводили от Алексея глаза.

– Хорошо, – принял их молчание Алексей, – тогда скажите, что вы знаете о вынесенном из здания человеке? Я не верю, что вы ничего о нем не можете рассказать. Он жил вместе с вами на втором этаже правого крыла, в угловой комнате. Скажите, хотя бы, его имя и фамилию. Вы можете не сомневаться – это ему не навредит. Наоборот, возможно, по этим сведениям милиции удастся разыскать его родственников.

– Начальник, – прокуренным, хриплым голосом от имени бомжей ответила Алексею бойкая, с ярким румянцем на щеках женщина средних лет. Манерами и внешностью женщина мало походила на опустившуюся, алкогольно-зависимую бомжиху. Скорее всего, она была бездомной, недавно освободившейся из колонии преступницей, имеющей за плечами многолетний стаж пребывания в местах лишения свободы, а среди бомжей скрывалась от бдительного ока стражей порядка, – а кто тебе сказал, что мы жили в этом доме? Мы, как и подобает порядочным людям, пришли помочь погорельцам. Вот вещи и продукты для них собрали, сейчас раздавать начнем. Нам тоже жалко бедного воробышка, которого ты вынес из здания, но видели мы его впервые. Так, что не обессудь, начальник, ничем тебе помочь не сможем.

Женщина снова занялась своим делом. Доставала из пакетов вещи, рассматривала каждую из них, а затем кидала в толпу. Алексей понял, что женщина не просто отказалась помочь, она выдала приказ всем бомжам: молчать! Он вернулся к машине скорой помощи и сказал врачу:

– Ничего о потерпевшем я не узнал. Какое-то круговое незнание. Похоже, что на самом деле этот человек бездомный и пока бесфамильный.

– Ну, и хорошо, – ответил доктор, – это даже лучше. Не будем уточнять его фамилию. Будем исходить из того, что парень нуждается в срочной госпитализации. Он не только отравился угарным газом, но еще и термические ожоги второй степени налицо. Мы сейчас включаем сирену, и в Астрю. Там совсем недавно запустили ожоговый центр. У них и с оборудованием все в порядке: самое современное. Все клиники завидуют. А этому бедолаге только там смогут помочь. Торопиться нам нужно, плохо ему совсем.

Спасенного парня увезли, а из левого крыла горящего здания вынесли еще три жертвы – все женщины неопределенного возраста. Их тела были прикрыты полуистлевшими платьями, на ногах грязные чулки и стоптанные башмаки. Спасти женщин у врачей не получилось, из здания их вынесли уже мертвыми. Врач скорой помощи развел руками:

– Они уже не пациенты, они клиенты морга. Угорели во сне, затем обгорели. Никакого сопротивления – были сильно пьяны. Видимо, все из одной компании.

К утру бывшее здание детского сада «Фиалка» прекратило свое существование. На месте центральной части чернело вонючее кострище, боковые крылья зияли пустыми окнами-глазницами, через которые просматривались закопченные стены. Все недавние жильцы куда-то исчезли.

С этого дня развалины здания стали по-настоящему бесхозными. Кто может претендовать на пропитавшееся гарью и сажей разрушенное здание? В боковых крыльях остались несколько комнат с крышей над головой и даже застекленными окнами. Они были бы вполне пригодны для проживания бездомных людей, если бы не были заполнены тяжелым, маслянистым воздухом пожара.

После дежурства Алексей вернулся домой только к обеду следующего дня, отмылся от запаха гари и провалился в тяжелый сон на несколько часов. Обычно сон восстанавливал его силы и душевное равновесие, но на этот раз он проснулся в мрачном настроении, с чувством глухого беспокойства и тревоги.

Любимый кофе почему-то утратил свой аромат и превратился в неприятный, мутный напиток кислого вкуса. В голове копошились неясные отрывки то ли кошмарного сна, то ли реальных событий из далекого прошлого. Алексей не понимал, что с ним происходит. Но память неожиданно расставила все по местам – худая, сгоревшая нога, в грубом металлическом браслете с тяжелой цепью. Оказывается, именно эта страшная картина вчерашнего пожара занозой застряла в его голове.

«Ну, да, – подумал Алексей, – как ни старайся, но такое не забывается! Ни один тренинг не поможет! Кто и зачем приковал этого несчастного инвалида цепью к стене? Со спиной у него очевидные проблемы – кажется, там есть горб. Отсюда и недостаточное физическое развитие. Сущий пацаненок с бараньим весом. Вот, что я сейчас сделаю – поеду в Астрю. Оля поздно уходит с работы. Возможно, она еще там. Мне давно нужно с ней поговорить о наших взаимоотношениях. Мы постепенно становимся все дальше друг от друга, и это хотелось бы прекратить. Мне во всяком случае! Но даже, если Оля уже уехала домой, то я хотя бы узнаю, есть ли шанс на продолжение жизни у спасенного инвалида. И все-таки очень странно – кому он мог помешать? А может он просто очень ценный специалист в определенной, скорее всего компьютерной, отрасли, и его заинтересованные или просто уголовники похитили и заставляли оказывать конкретные услуги, возможно, уголовно-наказуемые? Поэтому и держали на цепи, чтобы не вздумал убежать»

Алексей взял в руки мобильный телефон и позвонил Ольге:

– Оль, как дела? Ты на работе? Мне можно приехать в Астрею?

– О, как мило! Просто не верится, что снова слышу твой голос – удивилась Ольга, – неужели меня хочешь увидеть?

– Нет, понимаешь, – почему-то бессвязно начал отвергать очевидное Алексей, – со вчерашнего пожара в Астрею пострадавшего привезли. Мы с Мариком его на втором этаже обнаружили. Он сам не мог по умолчанию выбраться: во-первых, дверь его комнаты была заперта снаружи солидным замком. Во-вторых, его кто-то посадил на цепь.

Алексей мысленно выругал себя за нерешительность. А почему нельзя было прямо сказать – да, я хочу тебя увидеть! Я скучаю по тебе! И вообще, я люблю тебя! Но было уже поздно: Ольга приняла тему.

– Как на цепь?

– Приковали за ногу цепью к стене. Щиколотка ноги под браслетом сильно обожжена. Марик цепь снимал. Потом рассказывал, что под браслетом мышечные ткани до кости прогорели. Такая вот история! Я вот и хотел его навестить.

– Навещать его бесполезно, он в коме, – холодно ответила Ольга, – Ты же знаешь, я не врач, поэтому что-то внятное рассказать тебе о состоянии его здоровья не смогу. Ты, уж прости! Врачи мне говорили, что он балансирует на грани жизни и смерти. А ступню ноги ему уже ампутировали. Я сообщила в райотдел милиции об этом пострадавшем, но, по-моему, безрезультатно.

– Почему безрезультатно? Они должны возбудить уголовное дело. Здесь просматривается явный криминал.

– Да, должны! Но, как я поняла, вопрос возбуждения уголовного дела милицией пока не рассматривается. Капитан Борисенко сам к нам в Астрею приезжал и сказал, что у них нет основания для возбуждения уголовного дела. Пострадавший неизвестное лицо, и пока сам написать заявление не в состоянии. О наличии у него родственников ничего неизвестно. В общем, сначала нужно установить личность, а потом – родственников и очевидцев, которые смогут что-то прояснить как о самом пострадавшем, так и о причинах возгорания здания. Алексей Николаевич, ты там, я имею в виду пожар, фотографировал? – совсем официально поинтересовалась Ольга.

– Кажется, да! Но снимки пока не смотрел.

– А ты посмотри внимательно. Возможно, в комнате, где был закрыт этот человек, найдется какая-нибудь коробочка с документами. Твои снимки с места событий всегда несут некий сюрприз. Пусть бы и нашему спасенному парню повезло, и твои снимки хоть что-то о нем прояснили. Если судить по внешнему виду, то уже сейчас можно утверждать, что этот парень никогда физически не работал. У него тонкие, длинные пальцы музыканта и нежная кожа. Странно, что он оказался в обществе спившихся людей, он явно не из их компании.

– На самом деле его комната была завалена техникой – компьютеры, принтеры, провода, коробочки, и прочее сопровождение. Больше всего он похож на программиста. Может среди компьютерного добра в комнате был металлический ящик или сейф с документами. Не знаю. Комната уже горела и мы с Мариком были сконцентрированы только на освобождении пленника. Ты права, на снимках могут быть некие детали, на которые мы не обратили внимание. Я обещаю, что каждый снимок загружу на монитор компьютера и посмотрю, может, удастся обнаружить что-то интересное.

– Ты уж постарайся! Хотелось бы отыскать родственников, чтобы и заявление в милицию написали, и душевно обогрели нашего пациента. Уход за ним в центре обеспечен, но он не может заменить тепло близких людей. Вот так, Леша! Тебе об этом тоже нужно помнить. Ну, пока! Звони, если появятся новости.

Трубочка Алексея зазвенела короткими гудками. Оля отключилась, видимо тема разговора для нее была окончательно исчерпана.

«Как ты быстро, Оля, изменилась, – с горечью подумал Алексей, – стала настоящей заносчивой бизнес-леди. Всех друзей напрочь отмела. Хотя здесь я, похоже, погорячился – Андрей Васин у нее по-прежнему в товарищах числится. С ним она общается гораздо охотнее, чем с нами, спасателями. Получается, что мы ей по статусу не подходим? А может дело не в Оле, а во мне? Не умею я любовь свою на показ выставлять. Ведь у нас с Олей все изменилось после той поездки на Зарянку. Чем я ее тогда обидел? Наверное, сначала нужно было сказать, что я ее люблю и строю планы на совместную жизнь, а уж потом все остальное? Прости, Оля, у нас с тобой все случилось с точностью наоборот. Для меня это ничего не изменило, а вот ты... Или все-таки твой новый статус развел нас в разные стороны? Все, не думать об этом. Балбес ты, Леха, а не психолог! Ольга даже не разрешила навестить спасенного инвалида. Значит, просто не хочет меня видеть. Забыть свою неудавшуюся любовь будет очень непросто, но нужно постараться».

Алексей тряхнул головой, освобождая ее от навязчивых воспоминаний, и уселся за рабочий стол.

Фотоаппарат был цел и невредим, но так же, как и его хозяин пропитался тяжелым запахом пожара.

Алексей без просмотра пролистал фотографии общей панорамы пожара: они явно не несли информацию о закованном человеке.

И вот на мониторе компьютера несколько снимков той самой комнаты, где жил человек в кандалах.

«И когда я успел несколько раз щелкнуть эту комнату? – удивился Алексей, – и главное, разные ракурсы! Теперь можно более детально посмотреть, что хранилось в самопальной тюремной камере. Но сначала я Степе позвоню, нужно кое-что выяснить».

Степан вместо приветствия сразу же засыпал Алексея вопросами:

– Ну, ты, Леха, куда пропал? А звезду на твоих погонах, когда обмывать позовешь? Мои сослуживцы на полном серьезе обсуждают, что ты вот-вот возглавишь наш райотдел. Это утка или все-таки какая-то доля правды здесь имеется?

– Степа! – перебил его Алексей, – давай по порядку. Здравствуй, капитан. У тебя тоже повышение по службе, но проставиться и ты не поспешил.

– Ну, да, – засмеялся в ответ Степан, – я же тебе говорю, что мы тебя ждем в отдел руководителем. А командирам в собутыльники как-то не принято навязываться. Так может, встретимся и друг другу проставимся?

– Обязательно! Как только форточка в работе нарисуеться, так я тебе звоню. А сейчас я хочу поговорить о пожаре в бывшем детском садике. Вернее, не о самом пожаре, а о пострадавшем там инвалиде. Ты что-нибудь о нем узнал? Его личность установлена?

– Нет, его личность не установлена. И самое главное, его никто не разыскивает сейчас и не разыскивал раньше. Судя по всему, он последние несколько месяцев, или даже лет, был прикован цепью к стене сгоревшего сада, но заявление о его пропаже в милицию не поступало. Получается, что или он совершенно одинокий человек, или жил где-то очень далеко от наших мест. Его похитили с какими-то, пока непонятными целями, и привезли сюда. У тебя есть какие-то соображения по этому бедолаге?

– Пока нет, – ответил Алексей, – но есть желание ему помочь. Согласись, что случай неординарный. Рабство в нашей стране не наблюдалось даже в разбойные девяностые. Не та мы нация! Наши бандиты убивают, но в рабство не берут. Я впервые с таким встречаюсь. Хотя при моей работе насмотрелся разного. Ну, ладно, Степа. Встретимся обязательно. Звони, если что-то о пострадавшем выяснишь.

Алексей снова занялся фотографиями. Первый снимок запечатлел горящую стену, укрытую дымовой завесой.

Голая, раскаленная стена в брызгах взорвавшейся штукатурки. Этот снимок можно сохранить только из-за необычности сюжета, но информация на нем вообще отсутствовала. Безымянный снимок катастрофы!

Следующий кадр был более конкретный. На нем уже можно было различить предметы. Дымящийся стационарный компьютер, принтер, стойку с дисками и множество различных кабелей и проводов. Это оборудование, и оно, конечно же, сгорело вместе с хранящейся на нем информацией.

И последний снимок...

Вот он, лежащий на полу в дымящейся одежде инвалид. Цепь на ноге и кусок стены за его спиной. А в стене? В стене, в метре от пола, под надорванными обоями, просматривалась ниша, и в ней – светлый предмет, похожий на шкатулку. Видимо, ниша до пожара была кем-то спрятана под обоями.

Если нишу прятали, значит, там хранили что-то ценное. Но обои на этой стене не горели и даже на снимке видно, что их просто сознательно надорвали и отогнули, чтобы ниша была видна. И сделать это мог только сам пострадавший. Скорее всего, обои парень надорвал, когда понял, что ему суждено в закрытой комнате умереть. Вот тогда-то он нишу выставил на обозрение, и сам возле нее лег на пол, чтобы нашли не только его тело, но и на нишу внимание обратили.

Несомненно, это был его собственный схрон. Инвалид мог там хранить ворованные драгоценности. Или деньги за выполненную работу! Или какие-то документы, возможно, свои собственные. А во время пожара испугался, что их не найдут, поэтому и нишу открыл. Наверное, очень хотел, чтобы кто-то конкретный этот предмет из ниши забрал.

У пострадавшего инвалида, похоже, есть родственники, и этот схрон предназначен им. Или подельнику?

«Сам я к этим сокровищам даже прикасаться не буду – есть риск снова стать подозреваемым. Как узнал и зачем взял? Нет ответа, значит, преступник! Сообщать в милицию тоже пока рановато – приедут, нашумят, изымут шкатулку, а для инвалида результат нулевой. Забирать схрон сейчас категорически нельзя, – решил Алексей, – кто-то за ним должен придти. И от него можно будет узнать все данные о пострадавшем. Следить за пожарищем мне самому некогда. Степа тоже в первую очередь мент, у него есть более серьезные дела, чем родословная полуживого инвалида. Придется мне самому заняться поиском родственников пострадавшего. А для этого нужно установить автономную беспроводную камеру с приемником на флэшку и мой мобильный. Подходящее дерево напротив этой ниши есть, работы там на десять минут, оборудование у меня имеется. Пусть камера слежкой займется, и мне о своих наблюдениях доложит. Глядишь и родственники или подельники расшифруются. Потом можно будет все записи в милицию, Степану передать. Пусть разбирается, кто и, главное, за что человека на цепь посадил».

Ранним утром Алексей наведлся на пепелище здания. Как он и предполагал, наружная стена правого крыла здания была цела. Вокруг ниши топорщились клочья нескольких слоев старых обоев и надежно ее прикрывали.

Расчищать территорию от сгоревших останков здания городские власти не спешили, наверное, в бюджете города снова наблюдалось минусовое сальдо. На сотни метров пожарище источало запах гари. Бомжей ни в сарае, ни в уцелевшей части здания не оказалось. Видимо, подыскивали для себя другое временное жилище. Жильцы близлежащих домов тоже старались обойти стороной зловонное пожарище.

С дерева нишу можно было рассмотреть более отчетливо. Когда ветер отбрасывал от ниши рваную завесу обоев, то внутри была заметна небольшая серебристая коробочка.

«Что в такой маленькой коробочке можно спрятать? – думал Алексей, – Только бриллианты! Тем более мне к ней прикоснуться не стоит. Кто бы этой шкатулкой ни заинтересовался, забрать ее быстро не получится. Ниша расположена в шаткой стене и добраться туда без подручных средств и соответствующих навыков с первого раза не получится. А вот когда камера зафиксирует заинтересованное лицо, можно будет и милицию подключать».

Алексей спрятал в ветвях дерева камеру, проверил ее обзор и спустился вниз. Если в поле обзора камеры попадет движущийся объект, то она автоматически включится, запишет все события на флэшку и дополнительно пошлет видео сообщение на мобильный телефон Алексея.

– Ты мне звони, если что-то интересное заметишь, – попросил Алексей глазастую камеру, – а я поехал на службу. Ты постарайся ничего не упустить и добросовестно исполнить мое поручение – нужно же парню помочь! Тем более что он инвалид.

Прошло два дня после установки камеры, но о своем существовании она Алексею пока не заявляла.

«Может, ее какая-нибудь птичка, скажем сорока, утащила в свое гнездо деток развлекать? Вполне реальная версия – соблазнилась на блестящую линзу, и нет моей камеры, – забеспокоился Алексей, – Сегодня после дежурства обязательно ее проведу, и разберусь, что там происходит».

Но этим вечером наведать камеру у Алексея не получилось. К самому концу дежурства, около пятнадцати часов, с моста в реку Зарянка упала иномарка вместе с водителем.

Спасателей вызвали очевидцы: машина упала в реку крышей вниз, а водитель и пассажиры на поверхности воды пока не появлялись. Когда спасатели подъехали к месту аварии, возле утонувшей машины в реке плавали молодые добровольцы и среди них даже одна девушка. Периодически они ныряли в реку, но открыть двери машины так и не смогли.

Увидев спасателей, молодежь выбралась на берег и, стуча зубами от холода, хором доложила:

– Там в машине водитель, женщина. Но она без признаков жизни. Пассажиров не видно. Машина сплюснута. Все двери заклинило, мы не смогли открыть. Может, у вас получится?

– У нас получится, – успокоил их Алексей, – а вы быстро грузитесь в нашу машину. Там врач. Вам самим сейчас нужна помощь.

Через несколько минут спасатели извлекли из воды женское тело и положили на бетонную набережную. Затем на берег вытащили груды металла, который раньше был новенькой Хондой. Машина упала с высоты 15 метров: сначала на бетонную набережную Зарянки, и только затем, по крутому откосу набережной, скатилась в реку. Судя по виду машины и искалеченному женскому телу, женщина-водитель в момент погружения машины в воду была уже мертва.

В поисках возможных пассажиров спасатели вместе с водолазами часа два в ледяной воде обшаривали дно реки, но ничего, кроме пары мужских ботинок и костюма в пластиковом пакете не нашли.

Работы по поиску пассажиров Алексей прекратил только после появления на набережной мужа погибшей женщины.

Его, сразу же, после извлечения машины из воды, разыскали сотрудники Госавтоинспекции, и попросили прибыть на место аварии. Как оказалось, машина была зарегистрирована на его имя. Было это несколько часов назад, но появился он только сейчас. Круглый, благоухающий дорогим парфюмом, господин свою неторопливость снисходительно объяснил занятостью на работе.

Холеный вдовец не подошел к трупам женщины. Возможно, опасался за внешний вид своей дорогой одежды. Зато, не вникая в подробности аварии, сразу вполне уверенно заявил, что его жена в машине была одна. Найденные в реке возле машины ботинки и костюм при-

надлежали ему. «Сегодня попросил жену привести эти вещи в порядок, и она везла костюм в химчистку, а ботинки в мастерскую по ремонту обуви. И видите, чем все это закончилось? – протяжно, с всхлипом вздохнул вдовец, – сама села за руль и поехала выполнять мою просьбу. А ведь в ее распоряжении всегда есть водитель. Могла бы его услугами воспользоваться. Тем более что сама она безопасно водить машину не умеет. Водительское удостоверение месяц назад получила. Вот с управлением и не справилась».

– Да, – подтвердил автоинспектор, – она выехала на полосу встречного движения, столкнулась еще с двумя машинами. Затем машина каким-то странным образом легко перескочила через высокий бордюр и оказалась на тротуаре, пробила ограждение моста и рухнула вниз, на набережную. Может Ваша жена находилась за рулем в состоянии алкогольного опьянения? Или у нее случился внезапный сердечный приступ?

– Не могу исключить ни одну из предложенных Вами версий аварии, – пафосно объявил вдовец, – Да, действительно, иногда моя жена страдала от болей в области сердца. Ну и выпить тоже любила. Не могу сказать, что на сей раз с ней произошло. Алкоголь, сердце, давление? Не был рядом, не уберег. Поэтому я добровольно профинансирую все работы по восстановлению ограждения моста. Компенсирую убытки всем водителям, попавшим по вине моей жены в аварию. А, если нужно, то и стоимость всех спасательных работ. Мне сумму назовите, и все будет немедленно проплачено. Я же прекрасно понимаю, что моя жена сама не справилась с управлением. В случившемся наша с ней, семейная вина. Тем более что разбившаяся машина зарегистрирована на мое имя.

Потерпевший торопился признать свою вину.

– Вы, что не будете писать заявление о возбуждении уголовного дела по факту гибели вашей жены? – уточнил госавтоинспектор.

– Нет, мы с ней сами виноваты! Так о каком заявлении может идти речь? Моя вина, моя беда. Бог с ней, с машиной, хотя она тоже хороших денег стоит! Я потерял больше – любимую женщину. Невосполнимая потеря! Поэтому, сейчас ни о каких делах даже думать не хочу! Не хочу осквернять ее память ненужными разбирательствами. Все уже произошло, и изменить ничего нельзя!

Вдовец пожал милиционеру руку и направился к своей машине, которая стояла на набережной, в сотне метров от места аварии. К телу жены вдовец так и не подошел. Правда, не останавливаясь, несколько слов сказал врачу скорой помощи. Видимо распорядился, чтобы тело отправили в морг.

И каково же было изумление Алексея, когда он увидел, как вдовец любезно открыл дверь своей новенькой иномарки и галантно усадил туда бродяжку женского рода.

Это краснощекое, разбитное существо с манерами уголовницы, совсем недавно освободившейся из мест лишения свободы, запомнилось Алексею по пожару в пустующем здании детского садика «Фиалка».

На месте аварии машины, примелькавшаяся бомжиха, появилась в момент, когда из воды достали тело погибшей женщины. Не заметить крикливую, наглую бродягу было просто невозможно. Женщина стояла в первом ряду любопытствующих зевак, прямо возле тела погибшей, и хриплым голосом, громко, не стесняясь в выражениях, комментировала происходящее. Чтобы отвлечь ее внимание от белья и одежды погибшей, спасатели были вынуждены поспешно спрятать труп в полиэтиленовый мешок.

– Командир, смотри, – кивнул Юра на отъезжавшую машину вдовца, – мужик еще жену не похоронил, а уже девку зафрахтовал. И какую? Я эту бродяжку запомнил по пожару в детском садике. И мне тогда показалось, что она ряженая с дресс-кодом из какой-то пьесы. Вообразила себя маркизой при бомжах, вместе с ними попрошайничает и ютится по подвалам. А здесь, надо же – дорогая иномарка, богатый мужик! Странная особа! Ты ее физиономию захватил, когда развалины машины фотографировал?

– Да, крупным планом прихватил. А ты, что тоже зафрахтовать ее желаешь? – пошутил Алексей.

– Нет, – серьезно ответил Юра, – мне кажется, что она играет какую-то роль и дресс-код здесь имеет определенное значение. Дай мне ее фотографию – хочу узнать, что это за актриса и долго ли еще она за нами таскаться будет! Как только выезд на серьезное происшествие, так и она тут, как тут. Прямо какая-то инопланетянка, прибывшая на землю с целью разрушения и уничтожения. И вдовец этот тоже симпатию не вызывает. Из-за его мы почти два часа без всякой пользы дно реки обшаривали. Он, видите ли, трудоголик. И поэтому, сначала работа, а уж потом, если время останется – погибшая супруга. Ты для отчета записал его данные? Что это за гусь такой?

– Ошибаешься, – ответил, улыбаясь, Алексей, – это петух! Иногда заходишь в магазины торговой сети «Гурману от Петра»?

– Я – нет, а вот мама – да. От нее и наслышаны про Петра. А наш вдовец тут, с какого бока? Ты с ним вместе цыплят бройлерных покупал, что ли?

– Нет, он цыплят не покупает, он их выращивает. Он и есть тот самый Петр. Бизнесмен Василий Карасев, владелец торговой сети фирменных магазинов «Гурману от Петра» и птицефабрики в деревне Петрушкино.

– Петрушкино, это тоже бренд или простое совпадение?

– Тоже бренд. Маркетинговый ход господина Карасева. Эта деревня раньше называлась Октябрьская. Переименовали ее лет пять назад, по просьбе и за деньги господина Карасева. Просьба эта нарисовалась через пару месяцев после того, как Карасев приобрел у обанкротившегося совхоза птицефабрику. Еще через пару лет бизнесмен свой бизнес расширил и выкупил собственно сам совхоз. Погибшая женщина – его законная супруга, Карасева Людмила. Водительское удостоверение на самом деле получила месяц назад. Машиной пользовалась по доверенности от мужа.

– Мне почему-то кажется, что во время аварии погибшая, на самом деле, была в отключке. Машиной вообще никто не управлял.

– Да, похоже! Отказало у нее сердце по причине болезни, по вине алкоголя или от стресса при тупиковой ситуации установит экспертиза. В аварии участвовали три машины. И я пока не делал бы категоричные заявления о том, что именно Карасева является виновником аварии. Возможно, она пострадавшая. К тротуару ее мог кто-то подтолкнуть. Вот здесь мне позиция ее мужа непонятна. Именно он поспешно заявил о том, что его жена погибла по собственной вине. Милиция, конечно, разберется, но это уже не наш вопрос. Давай собираться, а-то я продрог до костей.

– Ты прав на сто процентов, – согласился Юра, – очевидцы говорят, что были еще две машины. Но они исчезли. И номера машин никто не записал. Странная авария, и не менее странная семейная пара. Карасев по моим наблюдениям даже не подошел к погибшей жене. Однако неоднократно во всеуслышание свой брак назвал счастливым. Внешне Карасев холерный барин, а вот его погибшая жена больше похожа на его прислугу. Старенький спортивный костюм, затасканные кроссовки... А белье? Панталоны с резинками, послевоенного образца. Где она только их нашла? Даже наша знакомая уголовница усомнилась в материальном благополучии погибшей владелицы петушиной фермы. Кстати, а что же этого вальяжного барина может связывать с грязной тунейдкой?

– Не знаю. И к тому же мне это неинтересно. Я исхожу из того, что каждый человек имеет право на собственную личную территорию. И как эта территория будет обустроена – дело вкуса каждого из нас. Вполне возможно, что бизнесмен и бывшая уголовница, она же бомжиха, дополняют друг друга кардинальными противоречиями личного мировоззрения и образа жизни? Или от безделья играют в какую-то азартную игру. В любом случае, мне это

неинтересно. Но тебе никто не запрещает ради праздного любопытства покопаться в чужой родословной.

– Любопытством я не страдаю. Мне просто кажется, что наша бомжиха как-то связана с тем парнем-инвалидом, который сейчас умирает в Астрее. Вспомни – не она ли дала команду погорельцам закрыть рты, когда ты пытался у них выяснить хотя бы имя пострадавшего на пожаре парня.

– Прости, Юра. На самом деле ты прав. Парень может так безмянным и умереть. Здесь важна любая информация. Поэтому, если что-то сумеешь узнать, то сразу же выноси на обсуждение. Нужно Оле подсказать, чтобы обратилась с просьбой к своим бывшим коллегам по телевидению. О пареньке просто необходимо снять ролик и показать не только по телевидению, но и в интернете тоже. Может, его кто-то узнает? Если он наш земляк, то хватило бы и телевидения. Но Степан считает, что его могли похитить в другом регионе, а у нас просто прятать и эксплуатировать. В этом случае помощь в его опознании можно получить от интернет-пользователей. Чем же он так уникален, что его нужно было изолировать от общества, а для этого посадить на цепь?

Глава 2

В день гибели жены Карасев был в офисе собственной фирмы.

Предприниматель проводил совещание с директорами фирменных магазинов и собственным штатом компании.

В предыдущем месяце резко упал объем продаж и Карасев решил, что это небольшое недоразумение легко исправить, если сделать разгон подчиненному персоналу, а заодно нераспорядившимся пригрозить досрочным увольнением.

Лично сам Карасев никогда не вникал в нюансы птицеводческого хозяйства.

Производственные дела фирмы вершил штат специалистов, а результаты их труда Карасев оценивал финансовыми показателями. За несколько лет существования фирмы это был, пожалуй, первый, достаточно серьезный дефицит баланса по итогам квартала.

Не понравился Карасеву квартальный баланс, и он назначил расширенное совещание, чтобы строго спросить у подчиненного коллектива, за что они получают зарплату.

Все руководство компании, вплоть до среднего звена, было собрано в кабинете предпринимателя и размещено по рангу. Старшие по должности – вдоль длинного овального стола. Те, кто занимал должность ступенью ниже, сидели на дополнительных стульях, которые внесли в директорский кабинет перед совещанием, и выставили в несколько рядов вдоль стен.

Что такое субординация, Карасев освоил в колонии, где отбывал наказание. Там же его научили субординацию строго соблюдать. Теперь этого же он требовал от своего штата подчиненных. Во-первых, приятно чувствовать себя на вершине пирамиды, а, во-вторых, каждый должен знать свое место.

Совещание предприниматель назначил сразу после обеда, на четырнадцать часов, а сейчас уже перевалило за шестнадцать, а разбираловке и конца не видно.

Карасев вел совещание театрально, и, несомненно, любовался собой со стороны. Прерывал свою речь и начинал персональное избиение каждого менеджера, по очереди, не стесняясь при этом грубо унижать и оскорблять людей.

И вот, в самый важный и, по его мнению, очень значимый момент его монолога вмешалась милиция. О том, что это звонят из милиции, сообщила робко заглянувшая в кабинет секретарша. Карасеву из милиции не могли позвонить просто так, для того чтобы поинтересоваться здоровьем или просто поздороваться. За плечами предприниматель имел несколько судимостей и достаточно серьезный по совокупности срок тюремного заключения.

Давно сложилось так, что для Карасева само слово милиция было неприятно. Оно несло угрозу его жизни на свободе, с годами превратилось в символ личных проблем или надвигающейся беды.

Только от одного сообщения секретаря, о том, что ему звонит какой-то милиционер, Карасев впал в легкий ступор, на лице выступила испарина. В голове замелькали тревожные вопросы: «Где я прокололся? Почему снова милиция? За что?» Но от разговора с представителем власти уклоняться Карасев не собирался. Знал не понаслышке, что это бесполезный во всех отношениях трюк.

Карасев в своей жизни руководствовался простой дилеммой – информированность, какой бы она ни была, это союзница во всех делах.

Сейчас он затягивал начало разговора только потому, что лихорадочно решал, кого из юристов прихватить в милицию в качестве своего адвоката. Так и не остановившись ни на одной фамилии, Карасев рукой показал подчиненным на дверь. Они моментально все поняли, и гуськом потянулись на выход.

Карасев вслед им бросил: «Не расходиться». Когда дверь закрылась за последним человеком, Карасев еще минуту помолчал, глубоко вдохнул в себя воздух и, наконец, спокойным, и даже безразличным голосом сказал в телефонную трубочку:

– Карасев. Слушаю Вас.

На другом конце провода сначала представились, затем смущенно кашляли, и только потом, тихо, осторожно подбирая слова, начали пространно объяснять, что принадлежавшая ему новенькая иномарка попала в аварию, разбита вплоть до состояния, из которого ее будет невозможно восстановить.

И в самом конце разговора, с явным сочувствием сообщили, что в этой автокатастрофе, возможно, погибла его жена, Карасева Людмила. Во всяком случае, погибла женщина, которая управляла машиной в момент аварии.

«И это весь переполох?» – повеселел Карасев, но тут, же постарался убрать жизнерадостные нотки из своего голоса и печально поинтересовался:

– Мне нужно приехать на место аварии? Я Вас правильно понял?

– Да, – ответил ему инспектор ДПС, – хотелось бы. Вы должны опознать машину и труп женщины.

Карасев положил телефонную трубочку, вздохнул с облегчением и позвал в кабинет секретаря:

– Уважаемая, – Карасева трясло от бешенства, – ты дура или только ею притворяешься? С каких это пор у тебя инспектор ГАИ милиционером стал? Ты, что не могла мне сказать, что звонят из ГАИ? Это далеко не одно и то же. Предупреждаю – еще один такой прокол и ты у меня вылетишь за дверь.

Девушка нервно крутила в руках карандаш, ее глаза постепенно наполнялись слезами.

– Я полагала, – лепетала девушка, – что гаишники тоже работают в милиции. Простите меня. Я больше никогда гаишников не буду называть милиционерами.

– Ладно, успокойся, – приказал Карасев, – Научись разделять их по рангу и правильно мне докладывать. Милицией можешь называть только следователей и оперов. Все остальные к милиции хоть и имеют какое-то отношение, но второстепенное. Если ты все осознала, то вернемся к делам – пригласи всех моих работничков назад, в мой кабинет. Продолжим совещание. А ты в это время прозвони все предприятия, оказывающие ритуальные услуги, и подбери самый лучший вариант похоронного бюро. Гаишник только что мне сообщил, что моя супруга погибла. Вникаешь в ситуацию? Не ленись, и внимательно изучи весь перечень услуг, которые каждое похоронное бюро оказывает своим клиентам. Обрати внимание на тех гробовщиков, которые в своем штате имеют косметологов и каких-никаких дизайнеров. Чтобы все умели сделать по высшему разряду. Я после совещания выеду на место аварии, а потом вернусь сюда.

К этому времени, чтобы от тебя были готовы предложения по похоронному бюро. Ты меня поняла? Тогда иди, исполняй!

Карасев продолжил совещание с нерадивыми сотрудниками. Недавно пережитый страх за личную свободу уступил место гордости за себя и ожиданию надвигающихся счастливых перемен в семейной жизни. «У меня есть главное – деньги, а все остальное я куплю, в том числе и милицию, – размышлял Карасев. Он утратил интерес к совещанию и перестал даже прислушиваться к робкому лепету подчиненных менеджеров, – Ах, какой мне Людка сюрприз преподнесла! Теперь и разводиться с ней не нужно. Ушла сама, добровольно. Вот теперь у меня начнется новая, счастливая жизнь. Сегодня же сделаю Карине предложение. Все впереди, Карина вполне успеет нам деток нарожать, надо же кому-то мое дело передать. Но поехать на набережную к месту аварии мне все, же придется. И прямо сейчас, иначе гаишники могут сделать неправильные выводы».

На набережной Зарянки вокруг кучи металлолома, которая даже не напоминала его новенькую, респектабельную машину, молча стояли люди. Большой черный пакет, в котором угадывалось тело, лежал там же, в десятке метров от машины. Ступив на набережную, Карасев было направился к месту аварии, где лежала его покойная жена, но внезапно развернулся и пошел к машине ГАИ.

Дело в том, что возле самого пакета с трупом, изумленный Карасев заметил приятельницу своей жены Карлу, но встреча с этой особой была опасна, и в его планы не вписывалась. Как обычно Карла вела себя нагло и вызывающе – хрипло хохотала, паясничала, тыкала пальцем в останки то машины, то погибшей подруги.

Карла часто бывала в загородном доме Карасевых, и за долгие годы Карасев почти привык к ее хамству. Вернее не привык, потому что привыкнуть к этому даже ему, прожженному уголовнику, было невозможно. Он просто научился не обращать на оборванку внимание.

Сейчас был совершенно другой случай – здесь он был не один: толпа людей, представители средств массовой информации, Госавтоинспекции, спасатели. Карла могла спровоцировать скандал, а скандал здесь совершенно недопустим.

Да и разве мог успешный бизнесмен продемонстрировать городу свое близкое знакомство с бомжихой?

Но Карла мужа погибшей подруги тоже заметила. И когда Карасев, выполнив все формальности, связанные с гибелью жены, вернулся к своей машине, чтобы как можно быстрее покинуть набережную, Карла уже была там. Пришлось бизнесмену смириться и изобразить галантного кавалера. Он усадил Карлу на переднее сиденье, рядом с водителем. И запах от ее затасканной одежды будет не столь резок, и ситуацию можно держать под контролем. Когда машина отъехала от моста, и набережная скрылась за поворотом, Карасев велел водителю оставить машину и приказал Карле:

– Давай выгружайся! И больше на мои глаза не попадайся.

– Карась, ты прям стихами зашуршал! – захохотала Карла и толкнула в спину водителя, – Давай, ехай! Подбросишь меня к вилле этого жлоба, а потом куда скажу. Карась, а ты позвони своему холую Вольдемару, вели, чтобы мне жратвы собрал. Да денег мне дай. Хочу с друзьями Людку помянуть. Не поняла, а почему мы стоим? Ты, Карась, сегодня Людку на тот свет отправил и думаешь, что будет все шито-крыто?

– Ты что несешь? – возмутился Карасев, – Кто и куда ее отправлял? Она сама разбилась на машине, а я на работе в это время был, совещание проводил.

– Ну и что, что проводил? – мерзко захихикала Карла, – При твоих деньгах можно самому белы рученьки не марать. На грязную работу и другие найдутся. Скажем Вольдемар! Да я сама, собственными глазами видела, как твоя драгоценная «копейка» на мосту Людку зажала, и на встречу вытолкала. Небось, все бока на копейке ободраны? Ты подвези меня к будке телефонной, я в ГАИ хочу позвонить. Расскажу о последних минутах жизни подруги моей драгоценной.

– На самом деле, ты чего стоишь? – сорвался Карасев на водителе, – Едем сначала в офис, я там останусь. А ты вместе с Карлой – в супермаркет. Купи там все, что она захочет и сможет унести. Затем – мигом ко мне, в офис. На вот карточку, рассчитаешься. Карла, а тебя я убедительно прошу: не сочиняй, пожалуйста, жуткие истории про меня и Людмилу. Ты хоть смерть уважай. Продукты и спиртное тебе купят, а это тебе на текущие расходы.

Карасев достал из бумажника деньги и кинул их на колени бомжихи. Карла собрала купюры и комком сунула в карман грязной куртки.

– Благодарностей не будет, – сообщила она Карасеву, – ты мне должен по гроб жизни!

– Карла, – Карасев постарался придать голосу мягкость, – ты постарайся меня больше не беспокоить! Сама понимаешь, Люда погибла и мне будет тяжело любое напоминание о ней. Она могла еще жить, да жить! В этом году мы собирались ее юбилей отметить, видишь, не получилось. В помощи я тебе никогда не отказывал, не откажу и после смерти супруги. Даже хочу тебе предложить на память о Людмиле весь ее гардероб. Да и обувь тоже. Носи на здоровье и подругу вспоминай. Давай расстанемся друзьями!

– А ты, что тоже умирать собрался? – съехидничала попрошайка, – А насчет напоминаний, это, как получится! Мне-то ты не рассказывай, как с Людмилой в мире и согласии жил. Сама все знаю. Гардероб ее и обувь сам носи, а-то актрисушке своей подари. Мне даже интересно, понравится ли твоей зазнобе Людкин гардероб? Людку деньгами ты не сильно баловал, обносил с мусорки она донашивала. Помнишь, как вместе собирали по помойкам? Но меня не чурайся. Али ты забыл, с чего твой бизнес начинался? Вот, то-то! Это мы с Людкой тебя сдыхающего от голодухи подобрали. Ты помни об этом, помни! И о Людкиной аварии не забывай! В случае если с твоей памятью чего случится, то я и напомнить могу. Ты меня понял, олух?

– Да, помню, я! Помню! Спасибо тебе еще раз, Карла, что умереть не дала. Ну, и хватит об этом. Сколько можно тыкать в меня моим прошлым? Ты сама-то хороша! Я точно знаю, что Люда тебе ни в чем не отказывала. Для себя она никогда не просила, а вот для тебя деньги даже красть из моих карманов приспособилась. Сколько ты моих денег швырнула в помойку, а проще говоря, пропила вместе с бомжами? Могла бы уже за это время квартиру себе прикупить и чем-нибудь полезным заняться. Работой, скажем, или детей бы нарожала.

– У меня еще все впереди – и квартиру куплю, и детей нарожаю! – Карла снова смеялась, – Ты вон мне недоноски Людкины предложил, а у нее целое состояние после смерти осталось! Я правильно понимаю закон? Все, что в браке нажито – до последней нитки пополам. Людки нет, а наследник у нее имеется. Да и я, как ее единственная подруга, тоже хотела бы кое-что из ее доли получить. Или ты, Карась, решил все себе прижучить? Нет, это не по правилам! Надеюсь, ты со мной поделишься? Или мне придется у тебя силой отнимать? А, Карась? Чего рот открыл и шавкаешь, как рыба, выброшенная на берег? Ты, воробышек, уже приехал – рот прикрой и выходи. А я на твоём лимузине еще прокачусь!

«Вот, шалава! Привязалась, как березовый лист к одному месту. Людмилу похороню и всерьез займусь этой девкой. Должна знать свое место! Наследство! Воробышек! Я покажу тебе и наследство, и какой я воробышек! А слово-то, какое, похлеще самого блатного жаргона будет. И Людка все чирикала – воробышек, да воробышек. Даже у Карины иногда это словцо проскальзывает. От Людки переняла. Нужно будет Карину попросить, чтобы забыла этого воробышка. Ненавистно мне оно, прямо до тошноты. Тем более что сразу перед глазами Карла появляется» – со злостью думал Карасев, поднимаясь по лестнице офиса в свой кабинет.

К его приезду секретарь уже подготовила список самых престижных городских фирм по оказанию ритуальных услуг. Ориентируясь на цены, Карасев выбрал самое дорогое. И только потом позволил себе взглянуть на перечень услуг. Затем сам лично позвонил туда, сделал нужные распоряжения, попросил счет и сразу же урезал его на треть.

– У меня, конечно, беда, но деньги счет любят, – назидательно разъяснил Карасев свою рачительность.

Коллега-гробовщик цену оспаривать не стал и даже пообещал, что все подготовит по высшему разряду. У гробовщика были свои интересы – наглядный пиар и ненавязчивая реклама услуг! Где еще так успешно можно продемонстрировать качество похоронных услуг, как ни на похоронах супруги самого успешного предпринимателя города. Среди гостей, наверняка, будут не только нувориши и официальные представители власти, но и не менее богатые и влиятельные люди с сомнительным прошлым, друзья Карасева.

Договорились о дате церемонии и последнем маршруте погибшей женщины. Собственно маршрут мог быть любым, кроме посещения покойной загородного дома, где до смерти она проживала. Карасев объяснил, что хочет оградить свой домашний очаг от назойливых журналистов и любительских камер.

Устраивать дома поминки по жене после ее похорон Карасев тоже не планировал. На территории его птицефабрики есть прекрасная столовая, там можно организовать самые пышные траурные мероприятия. Там же, в день похорон, на два-три часа нужно выставить гроб с телом погибшей. Конечно, друзей и родственников у покойной не было, но толпу можно организовать из рабочих птицефабрики, ведь наверняка будет пресса. Поэтому нужны плакальщики.

Карасев положил телефонную трубочку и вздохнул – похороны состоятся через три дня. Но даже эти предстоящие три дня ему уже сейчас казались бесконечной вечностью и были в тягость.

Он знал, что с раннего утра завтрашнего дня в его офис потянутся люди с цветами, чтобы засвидетельствовать свое участие и выразить соболезнование по поводу безвременно ушедшей из жизни жены. Конечно, будет телевидение и другие средства массовой информации. Если не считать Карлу и Карину, то друзей они с Людмилой не завели, а в искренность партнеров по бизнесу и просто малознакомых людей он не верил. Да, и не нуждался он в сочувствии.

Смерть Людмила несла с собой освобождение от давно тяготившего над ним брака, а, возможно, даже счастье, о котором он так страстно мечтал. Людмила в его жизни по большому счету ничего не значила. Лет десять назад, когда он только-только вышел из тюрьмы после третьей ходки, в ее доме он нашел временный ночлег и кусок хлеба.

Уже тогда Людмила пила все, что имеет хоть какое-то отношение к спиртному. Увлечение дешевым алкоголем у Людмилы осталось до последних дней ее жизни. Казалось бы, дома собственный винный погреб, заполненный бутылками с коллекционным вином, а Людмила посылает Вольдемара, управляющего домашним хозяйством Карасевых, в магазин за ящиком копеечной бормотухи.

И хотя не жену он сейчас потерял, а обычную опустившуюся, презираемую им женщину, все равно случай требовал печаль и траур. Карасев не мог себе позволить похороны наспех и венки с бумажными цветами. Он был богат и узнаваем, а Людмила носила его фамилию – это обязывало к соблюдению всех принятых траурных традиций.

Из офиса Карасев поехал отдыхать в свой загородный дом. Хотелось покоя, легкой музыки и бокала красного вина в обществе Карины. Карина ласковой кошечкой свернется на диване перед камином, а он будет сидеть в кресле напротив и любоваться своей богиней.

Только Карина все нудные годы жизни с Людмилой поддерживала в нем жизненный тонус. Для нее он богател, строил великолепный особняк в сосновом бору, ухаживал за своим телом. С ней вместе он планировал состариться и умереть в один день.

Карина Ромуальдовна Розина, прима городского драматического театра, заслуженная артистка республики, нежная, аристократичная леди с первого дня знакомства поселилась на постоянное жительство в сердце Карасева Василия Степановича. В ту пору он был нищим, криминальным лицом, без денег и собственного жилья.

Карина снисходительно принимала его ухаживания, но выйти за него замуж категорически отказалась. Говорила, что она творческий человек, любящий свободу, а узы брака они и есть узы. Домашние обязанности повиснут гирями и загубят ее талант актрисы. Но в более

близких, чем дружба, отношениях не отказала. Правда, с одним условием – Карасев должен жениться на Людмиле.

Почему именно Людмилу она выбрала Карасеву в жены, ему до сих пор непонятно. Людмила к тому времени уже прожила около сорока лет, а красотой и умом даже в молодости не блистала.

Нищее, убогое жилье и больной сын – вот и все богатство Людмилы. Жила, а вернее перебивалась она тем, что собирала по помойкам стеклянную тару и макулатуру, а затем несла в приемные пункты. Но даже эти небольшие деньги она тут же оставляла в пивных ларьках.

Надо отдать должное Карине: все эти годы она заботилась о гардеробе Людмилы, ее манерах и даже образе жизни. Когда Карасев уже имел в банках счета с солидными остатками денежных средств, Карина задалась целью вылечить сына Людмилы.

Она возила его в лучшие клиники республики для консультаций и вскоре знала все не только о его болезни, но и о методах ее лечения. Потом подыскала клинику в Швейцарии и сама, лично отвезла туда парня.

Конечно, все расходы взял на себя Карасев, но делал он это только для Карины. Раз она считает, что так правильно, значит она права. Сейчас Карина систематически звонит в клинику и следит за лечением своего подопечного.

Лечащий врач, немецкоговорящий швейцарец Феликс Майер, похоже, уже узнает Карину по голосу. А ведь для того, чтобы свободно общаться с доктором Карина целый год с репетитором занималась изучением немецкого языка. Даже диалект доктора учла, поэтому и с репетитором долго определялась, настоящий кастинг организовала.

Дома Карасев приказал повару приготовить легкий ужин на двоих и накрыть стол. Затем позвонил Карине, договорился с ней о встрече и отправил за ней машину. Домашнюю прислугу отпустил до завтрашнего дня. Ему хотелось уединения, ведь именно этим вечером он хотел сделать Карине предложение.

Карину он встретил во дворе и сам помог выйти из машины. Уже дома попытался ее поцеловать, но Карина отстранилась и укоризненно произнесла:

– Что ты, Вася? У нас в доме траур! Пожалуйста, не позволяй себе ничего подобного. Я сегодня приехала только для того, чтобы вдвоем с тобой почтить память нашей дорогой и любимой покойницы.

Карина приложила к глазам кружевной платочек и повернулась к Карасеву спиной. Карасев понял, что предложение делать сегодня не стоит, иначе, можно нарваться не только на отказ, но и неприязнь с ее стороны. Он тоже решил проявить благородство и предложил Карине:

– Я тут, Кариночка, подумал, что нужно бы сына Людмилы привезти на ее похороны. Они любили друг друга. И как-то не по-человечески будет, если мы не организуем их последнюю встречу. Ты как, одобряешь?

– Вася! – воскликнула Карина и чмокнула Карасева в щеку, – Ты лучший, ты чудо! Как же я сама об этом не подумала? Но ты, же понимаешь, что это связано с расходами? И немалыми.

– Ты об этом не беспокойся. Справимся.

– К сожалению, мы с тобой не в праве самостоятельно решить этот вопрос. Я должна посоветоваться с Феликсом. Как он решит, так и будет. Звонить?

– Да, конечно.

Карина сразу же позвонила лечащему врачу и рассказала ему о произошедшей трагедии. Потом, постукивая пальцем по столу, долго слушала своего собеседника. Карасев знал этот жест Карины – она волнуется.

«Святая душа! – с нежностью наблюдал за ней Карасев, – Волнуется, словно за собственного сына. Кажется, я начинаю понимать, почему она когда-то приказала мне жениться на Людмиле. Когда мы с ней познакомились, она была неизвестной актрисой местного театра и

мечтала о карьерном росте. Поэтому замужество не планировала. Но меня любила и хотела, чтобы я был счастлив. По сути ведь Люда была добрым и бесхитростным человеком и как могла, так и заботилась обо мне. Ну и, наверное, в этом случае ревность со стороны Карины совершенно исключалась. Разве можно было ревновать меня к Людмиле? Да, Карина умный и прозорливый человек».

Наконец Карина положила мобильник на стол и сказала:

– Ничего у нас, Вася, не получится. Лечение прерывать нельзя. Кроме того, нашего мальчика готовят к операции, и в клинику за ее проведение нужно немедленно перечислить деньги. Феликс лично сам занимался расчетом стоимости операции нашему воробышку. Благодаря его щепетильности нам сделаны все скидки, которые только возможны, поэтому ты вложишься в сто тысяч.

– Долларов? – спросил Карасев изменившимся от неожиданного потрясения голосом

– Нет, Вася. Евро. Но в эту сумму уже включен реабилитационный период и месяц дополнительного проживания в отеле при клинике. Так, что сумма вполне обоснованная.

– Кариночка, за эти деньги ты смогла бы несколько раз отдохнуть на горнолыжном курорте, в той же самой Швейцарии.

– О чем ты, Вася? Отдыху я предпочитаю помощь людям. Вот, кстати, принесла тебе буклеты и приглашение на несколько камерных спектаклей по произведениям русских классиков. Это премьера, приуроченная к старту благотворительного марафона в поддержку благотворительного центра Астрея.

Карасев понял, что речь снова идет о деньгах и начал искать пути отступления:

– Ты же знаешь, Кариночка, что я не люблю шумные компании и сборища. Лучше я тебя после спектакля встречу, и мы с тобой отправимся в ресторан или ко мне домой. А в театр я пришлю тебе цветы и дорогой подарок.

– Ты, воробышек, меня не понял? – голос Карины приобрел несвойственную ей жесткость, – Ты должен быть на всех спектаклях! Должен же кто-то задать тон в размере пожертвований. Скажем, не менее десяти тысяч долларов. Ты внесешь деньги, и все последуют твоему примеру. Я же тебе сказала, что спектакли – камерные. Значит, зрители – приглашенные лица, из числа самых достойных горожан. Ты мне на неделю выдели машину и Вольдемара в сопровождение. Хочу лично побывать у каждого приглашенного, рассказать о марафоне и его целях. А потом уж пусть думают, что приличнее: дома отсидеться или все-таки отыскать деньги для оказания помощи обездоленным людям. А еще у меня масса забот чисто технического характера. Нужно ехать в Астрею, договориться о совместной работе, затем в банк, открыть счета. Я плохо разбираюсь в этой рутине, но и передоверить ее выполнение не могу никому.

Карасев слушал Карину и думал: «А ты, Кариночка, с каждым днем дорожаешь, и содержать тебя становится совсем невыносимо. Возможно, я поступил правильно и с предложением руки, сердца и кошелька стоит повременить? А с другой стороны, когда Карина поймет, что у нас общий кошелек, возможно, и расходы считать научится?»

Карина заметила, что лицо Карасева постепенно мрачнеет, и внезапно прониклась к нему любовью и нежностью:

– Дорогой, да ты едва на ногах держишься. Пойдем, я уложу своего любимого в постельку. А Людочка на нас не обидится. Мы оба любили ее, поэтому и она должна порадоваться нашему счастью.

Утром, за завтраком, Карасев как бы, между прочим, сообщил Карине о своем согласии на все финансовые расходы и открыл домашний сейф, где как раз хранилась нужная сумма денег.

– Забери, Кариночка, деньги наличными. Это для перевода в клинику. Ты, как всегда, отправишь их курьерской доставкой? Вот и правильно: меньше волокиты бумажной и чужого, нездорового любопытства! Как-то я забыл тебе сказать, что вчера на месте аварии встретил

Карлу. Ты представляешь, что эта тварь мне выдала? Что это якобы я спровоцировал аварию, в которой погибла Людмила. Она, по ее словам, видела, как моя коллекционная «копейка» на мосту толкала машину Людмилы на полосу встречного движения. Моя копейка стоит в гараже и последние три года к ней вообще никто не прикасался.

– В гараже? И ты уже проверил, она на самом деле там? Я хоть и не знакома с Карлой, но много о ней слышана от Людмилы. По словам Люды Карла далеко не глупый человек. И если она говорит, что видела твою машину, то что-то в этом есть. Давай вместе зайдем в гараж, и все проверим.

Машины в гараже не было. Карасев растерялся и даже пытался заглянуть в смотровую яму, словно надеялся найти там «копейку».

– Что ты намерен предпринять? – спросила Карина, – мой тебе совет: сначала успокойся. И только потом принимай, какое-либо решение.

– Меня кто-то грамотно подставляет. Возможно, это Карла все организовала. Она умеет это делать. Поеду сейчас в ГАИ с заявлением об угоне, пусть разбираются.

– А я бы не спешила заявление об угоне писать. Учитывая твоё прошлое, они моментально тебя во всем обвинят. Ты подумай. Может, утрясется все само по себе. Разве есть свидетели, которые видели твою машину на месте аварии? Кроме Карлы, конечно. Но, ты сам подумай, какой из Карлы свидетель? А других, наверняка, нет. Ты заявление в Госавтоинспекцию не писал, а наша милиция добровольно копать и разбираться в причинах аварии не станет. Вот все и утрясется.

– Хорошо, – согласился Карасев, – я подумаю. А ты откуда знаешь, что я заявление не писал?

– Я ничего не знаю. Учитывая твой характер и сложившиеся отношения с милицией, я просто предположила, что ты от разбирательств отказался. И я вполне тебя одобряю: Людмилу не вернешь, а в милицию набегашься.

Времени на раздумья у Карасева не было. В прошлом вор-рецидивист с тремя судимостями хорошо знал Уголовный Кодекс и прекрасно понимал, что в данной ситуации каждая минута промедления работала против него. Видимо, тот, кто хотел его подставить рассчитывал именно на его страх перед милицией. «Конечно, это работа Карлы. Другой кандидатуры на такую подставу просто нет в моем окружении. Это Карла решила подцепить меня на крючок и до конца жизни держать на коротком поводке. Есть, пить и гулять за мои деньги. Что-то она там еще лопотала о квартире и детях? Наверное, и квартиру решила получить от меня! Ладно, придется пока молча проглотить ее выходку. А вот когда все мало-мальски уляжется я тебя, уважаемая, передам Вольдемару. А уж он-то тебя учить уму-разуму не станет. Он тебя просто живьем закопает».

Карасев немедленно отправился в Госавтоинспекцию с заявлением о пропаже машины из своего гаража. Он знал, что такое алиби, а оно у него было. Стопроцентное и неразрушаемое – он в момент аварии проводил совещание, в его кабинете присутствовали не менее пятидесяти человек.

Конечно, после его заявления начнутся приглашения в Госавтоинспекцию, а затем и в милицию, но это лучше, чем каждый раз, при виде входящего в офис человека в погонах, потеть и дрожать от страха.

Теперь он уже сожалел о том, что сразу не написал заявление в милицию о возбуждении уголовного дела по факту гибели Людмилы. Впал в эйфорию от запаха свободы, расслабился и не почувствовал опасность. Возможно, автомобильная катастрофа была грамотно спланирована и подстроена? Ведь говорила же Карла о наследстве. Даже намекала, что может выставить претензию на получение части имущества супругов Карасевых. А, может, Людмила по пьянке написала в пользу Карлы завещание? Поэтому и погибла? Карла, несмотря на внешнюю

придурковатость, человек хитрый и опасный. Карасев все больше напрягался, размышлял и покрывался багровым румянцем.

О встрече с Ольгой Павловной Ерохиной, генеральным директором благотворительного центра помощи Астрей, Карина договорилась по телефону. Встретили актрису в Астрее со всеми подобающими ее статусу почестями – и цветы подарили, и приветственную речь произнесли, и автограф попросили. И только потом сама Ольга проводила гостью в скромный директорский кабинет.

На директорский стол Карина положила буклеты о деятельности драмтеатра и по два билета на все спектакли. Затем гостью, ровно держа спину, присела на предложенный Ольгой стул, и рассказала о задуманном театром благотворительном марафоне.

– Вы у нас первая, по-настоящему благотворительная ласточка, – оценила предстоящий марафон Ольга, – правда, нам всегда стараются помочь, но в основном оборудованием, материалами или даже продуктами питания. Да, я не оговорила – продуктами. Два фермерских хозяйства взяли над Астреей шефство и привозят нам овощи, фрукты, молоко и яйца. Мы иногда принимаем на реабилитацию совершенно истощенных людей и стараемся, чтобы и продукты питания стали для них лекарством. А вот строительство корпусов финансирует только банк. От них и зарплата персоналу, и покупка медикаментов. Но и банк не бездонная бочка – деньги им заработать нужно, поэтому так медленно строимся. А Вы собранные деньги в полной сумме собираетесь передать Астрее?

– Да, такая договоренность существует. Правда, есть одна просьба, возможно, даже личного характера. Вчера погибла моя подруга, а ее сын лечится в швейцарской клинике. Его содержание уже оплачено, но в память о подруге, надо сказать достойным она была человеком, хотелось бы хоть какие-то копейки зачислить на счет клиники. Так сказать, оказать им тоже незначительную благотворительную помощь. Клиника не самая бедная, но Вы сами, наверное, знаете, как трепетно иностранцы относятся к знакам внимания.

– Так вы же сразу можете со своего счета сначала перечислить деньги в Швейцарию, а уж затем остатки на счет Астрее, – посоветовала Ольга.

– И все-таки, хотелось бы, чтобы деньги ушли со счета Астреи. Мне было бы гораздо проще завершить марафон. Я своим искусством могу привлечь меценатов, а что касается бухгалтерии, то для меня это темное пятно и, следовательно, большая проблема, поэтому лучше эту операцию поручить специалистом Вашего центра, – настаивала Карина.

– Признаться, я в бухгалтерии тоже большой профан, – улыбнулась Ольга, – но знаю точно, что просто так перевести деньги с наших счетов, задача совсем непростая. Денежными средствами центра распоряжается совет попечителей. Не напрямую, конечно, но именно там рассматриваются наши сметы и отчеты об их исполнении. А, впрочем, я сейчас проконсультируюсь у директора банка – основного учредителя нашего центра. Как она скажет, так и будет!

Ольга позвонила в Москву, генеральному директору банка «Индустриальный», Ирине Сергеевне Костиной.

После обычных вопросов, которые можно задать близкому человеку, Ольга сообщила свою главную новость:

– Ирина, у нас областной драмтеатр, а вернее его прима, заслуженная артистка республики Розина, организовала благотворительный марафон в пользу Астреи. Но часть собранных денег она хотела бы, чтобы мы со своего счета перевели в качестве благотворительного дара в одну из клиник Швейцарии. Там сейчас находится на лечении сын недавно погибшей нашей землячки. Что скажешь?

– Это неправильно, – уверенно ответила Ирина, – в этом случае они могут открыть два счета, отдельно для Швейцарии и Астреи. Это, конечно, замечательно, что общество Заревска просыпается для благотворительности. И в результате, какой бы сумма не оказалась, все равно мы должны высказать в адрес инициаторов марафона самые искренние слова благодарности.

Ты уж, Оленька, постарайся не обделить вниманием это мероприятие. Но у меня для тебя тоже очень хорошие новости. Я буквально на днях перечисляю на счет Астреи тридцать миллиардов рублей.

– Тридцать миллиардов? – переспросила удивленная Ольга, – И это значит, что я могу готовить договоры на строительство следующих корпусов?

– Ты вслух-то не повторяй сумму денег. Как я поняла у тебя в кабинете люди и мало ли, что... Сама понимаешь, осторожность никогда не повредит. Вернемся к деньгам. Конечно, такую сумму нашему банку поднять было бы тяжело, но коллеги скинулись на благое дело. Так, что жди. Это о делах. А сейчас позволь пару вопросов личного характера? Ты Алексею уже сообщила о своем интересном положении?

– Пока не решилась. Мне по-прежнему кажется, что моя новость пусть не заставит, но спровоцирует его на предложение. А я хочу, чтобы это было не от порядочности, а от любви.

– Глупая, ты глупая! Виталий меня каждый день пытается, о новостях из Заревска. Рвется к вам на свадьбу. И очень за друга переживает. Говорит, что ты лишаешь его главной радости в жизни – счастливых дней в ожидании чуда рождения ребенка. Я никогда этого не испытала, но у него такое в жизни было. И он считает, что ты не только лишаешь своего ребенка отца, но и рушишь жизнь Алексея. Леша любит тебя, поверь мне. А своей новостью ты просто улучшишь качество его жизни. Давай, решайся. И не тяни, не рви свою жизнь на части: до и после. Береги себя и ребенка. Целую, пока.

– Хорошо, Ира, – согласилась Ольга, – еще немножко подумаю и какое-то решение приму. Я тебя тоже обнимаю и целую.

Ольга закончила разговор и обратилась к Карине:

– Ну, вот, я все выяснила. Нужно открывать два счета, а затем...

– Ничего не нужно, – не дала ей договорить Карина, – мне ужасно стыдно за свою необдуманную просьбу. Вы меня, Ольга Павловна, извините, но качество связи таково, что я невольно слышала весь Ваш разговор. Даже хотелось покинуть Ваш кабинет, чтобы не причинять Вам неудобства. Итак, я приняла решение – никаких перечислений в Швейцарию. Все собранные деньги зачисляем на счета центра. Маленькое условие все же остается – Ваши специалисты помогают мне с открытием счета для сбора средств. Мне туманно известно, что это должен быть какой-то субсчет на балансовом счете Астреи. И это все мои бухгалтерские познания. Поэтому, помогайте!

На том и договорились. Ольга пригласила в свой кабинет главного бухгалтера и своего заместителя по экономике. После того, как было достигнуто решение о порядке открытия счета для сбора средств от меценатов, которое устраивало обе стороны, Карина сказала:

– В вашем центре царит атмосфера любви и добра. Уходить от вас совсем не хочется. Может Вы, Ольга Павловна, уделите мне еще хотя бы полчаса, и покажете центр? Была бы Вам очень признательна!

Ольга провела актрису по палатам, показала процедурные кабинеты, отделение хирургии. Затем в столовой они выпили по чашечке кофе и договорились, что после спектаклей Ольга в обязательном порядке будет навещать Карину в гримерке. Уже подойдя к лифту, Карина кивнула на торец коридора, и спросила:

– Ольга Павловна, а там у Вас какая-то секретная лаборатория? Я заметила, что в те двери редко заходят. Но там с утра перед закрытой дверью сидит какой-то человек. Я его заметила, когда мы шли в Ваш кабинет.

– Там реанимационное отделение, – пояснила Ольга, – и там часто сидят родственники наших больных. Надеются, что больной почувствует их присутствие. Я не показала Вам это отделение, потому что там борются за жизнь тяжелобольных людей. Неподготовленному человеку там лучше не бывать – зрелище тяжелое и больно бьет по психике. Я, например, до сих

пор не могу без дрожи в сердце заходить в это отделение. Сейчас там находится обгоревший на недавнем пожаре паренек.

– Можно мы с Вами его навестим? Наверное, ему не помешает наша поддержка. Я могла бы к нему иногда навещаться.

– Если Вы настаиваете, то давайте зайдем к нему. А вот часто навещать его пока нет необходимости – он в коме.

На скамеечке, возле входа в реанимационное отделение сидел пожилой мужчина, одетый в засаленную и изрядно потертую камуфляжную форму.

– Вы пришли кого-то навестить? – спросила Ольга.

– Да, хотелось бы, с Вашего разрешения, – мужчина смотрел на Ольгу красными, слезящимися глазами, – у Вас паренек лежит обгоревший. Если Вы позволите, я здесь подожду, когда он очнется. Он будет рад мне. Позвольте мне побыть возле него.

– И Вы давно здесь сидите?

– Нет, не давно, одни сутки. Так Вы мне позволите остаться?

– Пожалуй, позволю, если Вы будете соблюдать мои указания. А они следующие: сейчас Вы спуститесь на первый этаж и найдете завхоза центра. Ему скажите, что Вы от Ольги Павловны. Пусть он Вас отведет в душ, затем переоденет, отведет в смотровой кабинет, хотя бы для внешнего осмотра. И еще скажите ему, чтобы поставил Вас на учет в нашу столовую. Трехразовое питание на весь период лечения Вашего друга. Но ночевать возле реанимационного отделения Вы не должны. Вы вообще, где живете? У Вас есть, квартира или хотя бы место для ночлега? Я могу помочь Вам. Если есть такая необходимость, то я позвоню в общежитие химкомбината. Они всегда по нашей просьбе выделяют пару мест родственникам наших больных, для временного проживания. Надеюсь, что и для Вас там место найдется.

– Милая моя, дорогая барышня, – совсем прослезился мужчина, – дай Бог тебе здоровья. Найду я, где переночевать. Спасибо тебе, золотая ты моя. Уж больно мне хочется увидеть, как мой паренек оклемается.

Ольга и Карина вошли в реанимационное отделение. Постояли возле стеклянной перегородки, за которой находился парень.

– Бедный воробышек, – дрогнувшим голосом тихо сказала Карина, – есть надежда на его выздоровление?

– Не знаю. Сейчас врачи дают более оптимистичный прогноз, нежели чем после его поступления к нам.

– И все-таки разрешите мне иногда навещать его, – снова попросила Карина.

– Может и разрешим. Все зависит от его здоровья и согласия лечащего врача. Будем надеяться, что паренек вернется в жизнь.

Ольга проводила гостью и позвонила Алексею:

– Леш, ты мне не звонишь. Я тебе совсем неинтересна?

– Я полагал, что все наоборот – это я тебе неинтересен. Может, встретимся и все обсудим?

– Я как раз собиралась пригласить тебя в театр, на несколько премьер.

– Видишь, как у нас с тобой все складывается неправильно. Это я тебя должен был пригласить в театр. Но в любом случае я согласен. Говори время и место встречи.

– Поверь, нас ждут непростые премьеры. Это камерные спектакли и на них начнется благотворительный марафон в пользу нашего центра. Устроители этих мероприятий, а вернее одна из устроителей, заслуженная артистка нашей республики Розина Карина Ромуальдовна, сегодня приезжала в Астрею и вручила мне на каждый спектакль по два билета. Приглашен весь местный бомонд. В том числе и оба генерала: начальники управлений МВД и МЧС. Присутствовать там мне необходимо, сам понимаешь, работа обязывает. Ирина посоветовала уделить устроителям марафона максимум внимания, по окончании высказать благодарность.

– На бомондовских тусовках бывать мне не приходилось, и сейчас большого желания нет. Но тебя сопровождать я готов хоть на край света. Только предупреждай меня хотя бы на день раньше назначенной даты. Сама понимаешь, у меня тоже работа. Оля, а как там наш погорелец? Кто-нибудь интересовался его состоянием?

– Сам-то он, со слов его лечащего врача, вроде как получше. И, да, им интересовались. Тут объявился его товарищ, сутки просидел возле реанимационного отделения. Сегодня я отправила нашего посетителя мыться, назначила ему медосмотр и полный больничный пансион.

– Бомж что ли? А как он выглядит?

– Пожилой, плотного телосложения, в грязном, пропахшем дымом, камуфляже. А, впрочем, уже, наверное, не в грязном, потому что его должны в такой же камуфляж переодеть, только в новый. Нам недавно воинская часть подарок сделала. Солдатское белье и полевая форма. Как раз то, что нам было просто необходимо. Мы эту форму сейчас раздаем бездомным людям. И они ей очень рады – говорят, что очень удобно. В карманы можно разложить все свое имущество. Это я к тому, что ты тоже не расстаешься с такой формой.

– На самом деле тоже из-за карманов. А твой посетитель очень похож на того человека, которого мы видели на пожаре. Оля, ты спросила у него данные на пострадавшего? Он их точно знает!

– Я тоже об этом подумала, но в тот момент была не одна. Сейчас я позвоню завхозу и попрошу, чтобы он этого человека привел ко мне. Ладно, расскажу тебе все при встрече. Завхоз добросовестно исполнил все поручения – человека помыли, осмотрели, переодели, выдали лекарства, накормили и отпустили. Он ушел, пообещав вернуться на следующий день. Сказал, что все здесь просто замечательно и все ему нравится, но он на ночь должен устраиваться в другом месте. Зовут этого бедолагу Иваном Тимофеевичем. Сейчас он бомж, а раньше был учителем в школе. Преподавал математику. Жена умерла, а дочь вышла замуж, попросила папочку не мешать ее счастью и освободить квартиру. Он не успел забрать документы и собрать вещи – дочь поменяла замки на входных дверях и в квартиру его больше не пустила. Так и его пенсия осталась у дочери – почтальон по-прежнему приносит деньги на старый адрес, а дочь получает. Иван Тимофеевич считает, что, конечно же, он без труда смог бы с пенсией разобраться, но не хочет причинять дочери даже малейшее беспокойство.

– Ничего, проживу как-нибудь, – сказал он завхозу, – жалко, конечно, что жилье наше сгорело. Все там уже было обустроено, даже стиральная машина имела. Правда, старенькая, но стирала хорошо. И плита электрическая стояла, еще от детского садика осталась. Кто хотел горяченького супчика, то вполне можно было приготовить. Но, видимо, не зря пословица гласит, что на чужом несчастье свое счастье не построишь. Проклятое там было место – педофил там прижился и детей калечил. Вот бог огонь на здание и наслал. Электрощит не выдержал нагрузку и загорелся. Может, от старости и перегрузки, а может кто-то рукотворное замыкание сотворил. Теперь уж кто разберет?

– Давайте мы все-таки поможем Вам пенсию вернуть, – снова предложил завхоз, – У нас в центре юристы работают. Таким, как Вы, обиженным, помогают. Будет у Вас новое пенсионное удостоверение, вот тогда и заявление о переводе пенсии можно будет написать. Ведь пенсию совсем необязательно получать по месту прописки. Можно каждый месяц самому ходить за деньгами в отделение связи. Появится гарантированное денежное обеспечение, тогда можно будет арендовать, пусть не квартиру, так хотя бы угол.

– Да, конечно, можно, – согласился Иван Тимофеевич, – но дочь не работает, ребенка ждет. А муж забудыга какой-то. Не работает, но пьет и гуляет. А если дочь его поругает, то он уходит, а потом набродяжничается и назад возвращается. Я недавно со своей бывшей соседкой встретился, она и рассказала. Безденежье там и горе. Уж думаю, что нужно бы каким сторожем устроиться, чтобы дочери помочь. Если бы кто взял меня на работу без документов,

их-то у меня как раз и нет. Поэтому сначала нужно документы выправить. Вот где помощь ваших юристов пригодилась бы. Но это попозже. Когда Николаша поправится. Выйдет он из больницы, тогда и угол нужен будет. Вместе мы с ним жить будем. Я за ним ухаживать буду, а он пусть со своим компьютером занимается. Вот и семья у нас с ним образуется. А пока пусть все так и остается.

– Как-то так, Ольга Павловна, – в заключение своего рассказа сказал завхоз, – такой получается авантюрный роман про интеллигентного, образованного бомжа, эгоистку дочь и забулдыгу-альфонса. А виной всему – слепая родительская любовь. А про нашего пострадавшего он Вам завтра сам все расскажет. Говорил, что придет с самого утра, к завтраку. Но уже сейчас мы знаем, что парня зовут Николаша. Николай, как я понимаю.

Но на следующий день, ни к завтраку, ни к ужину интеллигентный бомж в центре Астроя не появился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.